

Сизова Ирина Игоревна

РАССКАЗ Л. Н. ТОЛСТОГО "УПУСТИШЬ ОГОНЬ - НЕ ПОТУШИШЬ": ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В статье впервые рассматриваются проблемы творческой истории рассказа Л. Н. Толстого "Упустишь огонь - не потушишь" на основе всех известных к настоящему времени рукописей. Уточнена хронология работы писателя над произведением (1879, 1884, 1885, 1886), реконструирована последовательность воплощения замысла без вычленения ранней редакции в черновых материалах, исследована специфика постороннего воздействия на толстовский текст. "Рекомендации" Толстому критика Н. Н. Страхова, редактора "Посредника" В. Г. Черткова, как "улучшить" содержание и форму рассказа, исказили авторский замысел и внутреннюю логику оригинала.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 3. С. 58-64. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82(091); 82-3; 82-32; 801.73; 82:801.6

В статье впервые рассматриваются проблемы творческой истории рассказа Л. Н. Толстого «Упустишь огонь – не потушишь» на основе всех известных к настоящему времени рукописей. Уточнена хронология работы писателя над произведением (1879, 1884, 1885, 1886), реконструирована последовательность воплощения замысла без вычленения ранней редакции в черновых материалах, исследована специфика постороннего воздействия на толстовский текст. «Рекомендации» Толстому критика Н. Н. Страхова, редактора «Посредника» В. Г. Черткова, как «улучшить» содержание и форму рассказа, искажали авторский замысел и внутреннюю логику оригинала.

Ключевые слова и фразы: Лев Толстой; рассказ «Упустишь огонь – не потушишь»; творческая история; датирование произведения; редакция и (или) вариант; искажение замысла и воли автора; редактура и вычитывание текста.

Сизова Ирина Игоревна, к. филол. н.

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
и_sizova@bk.ru*

РАССКАЗ Л. Н. ТОЛСТОГО «УПУСТИШЬ ОГОНЬ – НЕ ПОТУШИШЬ»: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Целью статьи является исследование творческой истории рассказа Л. Н. Толстого «Упустишь огонь – не потушишь». Задачи настоящего труда определяют несколько направлений. В историографии научной литературы остается открытым вопрос датирования произведения, под которым разумеется реконструкцию этапов работы писателя над всеми рукописями и корректурами, а также изучение полного хронологического свода материалов из дневников, писем автора и его окружения, имеющих отношение к истории создания.

С 1937 года (выход в свет двадцать пятого тома Юбилейного издания) укоренялась тенденция, которая на очень долгое время сделала незыблемым тезис о нескольких редакциях этого рассказа. Однако в определении того, что именно считать признаками появления новой редакции, наши предшественники неверно опирались на количественные изменения текста, наглядно иллюстрируемые в большинстве рукописей Толстого обилием разночтений. Не принимались во внимание главные, на наш взгляд, показатели: законченность произведения, кардинальная переработка (не доработка) категорий содержания и формы, типов литературного субъекта, мировоззренческая эволюция автора. При этом анализировался не весь рукописный фонд.

В эдичионной практике существует разницей в датах первой публикации «Упустишь огонь...» между 1885 и 1886 годом. Издатели и комментаторы, составляя справочные аппараты, не опирались на цензурную историю брошюр типографии И. Д. Сытина. Их выход по цензурным разрешениям последователен. Первая публикация (без указания автора) – Москва, 30 мая 1885 года. Второе издание – Москва, 17 июля 1886 года. В «Описании рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого» в качестве первой публикации необоснованно указано второе издание [7, с. 274].

Возникла насущная необходимость в полном объеме осветить проблему постороннего воздействия на толстовский текст, прежде всего, в ракурсе «автор – редактор». В этой связи небезынтересна роль последователя Толстого и редактора «Посредника» В. Г. Черткова, а также литературного критика Н. Н. Страхова, которого писатель нередко привлекал к редактированию своих сочинений и чтению корректур.

Сохранилось восемь рукописей произведения, два автографа и пять копий (первая копия включает две части), выполненных отставным подпоручиком А. П. Ивановым и другим, неизвестным, писцом, общим объемом 98 листов [Там же, с. 274-276]. Большинство листов использовано с лицевой и оборотной сторон. С последней, пятой, копии набиралось первое издание «Посредника» (1885). Некоторые рукописи датированы автором (11 апреля 1885 года), переписчиком А. П. Ивановым (17 апреля 1885 года) и служащими типографии И. Д. Сытина (10 мая 1885 года). До настоящего времени <Первое начало> [18, оп. 1], варианты автографа [Там же, оп. 2] и рукописей – авторизованных копий [Там же, оп. 3-6, 8], не опубликованы.

В. И. Срезневский в Юбилейном издании относил написание Толстым «Упустишь огонь...» к апрелю 1885 года [10, с. 687]. С его точки зрения, «рассказ был отпечатан и выпущен только в следующем, 1886 году, и очень скоро, в том же году, вторым изданием» [Там же, с. 688]. Историю создания исследователь воссоздавал по шести рукописям из известных восьми [Там же, с. 688-689]. Второй автограф он классифицировал как «первую редакцию» [Там же, с. 688]. Бесцеремонное предложение Толстому В. Г. Черткова изменить якобы имевшиеся в тексте «описки» и тактичное опровержение писателем своих «ошибок» трактовалось как «показатель исключительной тщательности в работе и автора и редактора» [Там же]. Причины этого понятны. Двадцать пятый том с комментарием В. И. Срезневского опубликован в 1937 году: наследие Толстого еще очень долго будет зажато в тисках железной хватки его «главного» редактора, скончавшегося, как и В. И. Срезневский, в 1936 году.

Вслед за В. И. Срезневским второй автограф считали «первой редакцией» В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшур, Е. С. Серебровская, Н. Н. Гусев, Л. Д. Опульская [3, с. 602; 7, с. 274; 8, с. 563]. Ко «второй редакции» Н. Н. Гусев причислял первую копию, выполненную А. П. Ивановым [3, с. 603]. Вызывает сожаление, что проблема редакций в комментариях В. А. Жданова, Э. Е. Зайденшур, Е. С. Серебровской, Н. Н. Гусева и Л. Д. Опульской не имеет доказательной базы, не аргументирована.

Хрестоматийна хронологическая канва создания рассказа. Начало марта 1884 года – Толстой набрасывает в дневнике сюжет (при этом не уточняется, что обрисована всего лишь одна из его частей). Апрель-май 1885 года – писатель работает над рукописями и корректурами; затем указываются ранние издания типографии И. Д. Сытина [3, с. 573, 602-603, 605-606, 608-609; 5, с. 116; 7, с. 274-276; 8, с. 563].

Нигде не был поднят вопрос о том, участвовал ли Толстой в подготовке «Упустишь огонь...» для двенадцатой части «Сочинений» (пятое издание). Державшая эту корректуру С. А. Толстая по возможности привлекала мужа к вычитке материала и к его обсуждению. Тексты изданий «Посредника» (1885-1886) и двенадцатой части «Сочинений» (1886) отличаются разночтениями. По своему характеру не все они стилистические; есть среди них и смысловые поправки, которые могли быть внесены только одним лицом – автором. Следовательно, реконструируя хронологические пределы работы Толстого над рассказом, нужно учитывать корректурный этап двенадцатой части «Сочинений».

Сюжет произведения преломляет действительные события крестьянской жизни. По ничтожному пустяку – из-за куриного яйца – сорятся две соседские семьи. Постепенно конфликт разрастается; он достигает своего накала, когда один «враг» поджигает дом другого и возникший пожар уничтожает полдеревни.

О том, насколько хорошо Толстой знал бытовые подробности и образ жизни крестьянства, свидетельствуют признания жителей села Лизиновки, которым В. Г. Чертков читал «Упустишь огонь...». Как оказалось, именно из-за яиц в этой деревне «завелась» какая-то вражда, повлекшая за собой судебные разбирательства [13, с. 262].

Однако реальная основа повествования отражена в дневнике и записных книжках писателя 1879-1884 годов. В 1879 году она была связана с темами покаяния и пожара, композицией образов Ивана и его отца.

«Грех напал. Грехи развязал. Всему виною» [16, с. 230]. Впоследствии эта запись разовьется в двух сюжетных линиях. Она станет лейтмотивом эпизода беседы Ивана с отцом после суда, когда старик тщетно призывает своего сына помириться с врагом:

«– Ты вот что, Ваня! Послушай ты меня, старика. Поди ты запряги чалого, поезжай ты тем же следом в правление, прикрой ты там все дела и поди ты наутро к Гавриле, попросись ты с ним по-Божески, да к себе позови, завтра же праздник (дело было под Рождество Богородицы), поставь самоварчик, полштоф возьми и развяжи ты все грехи, чтоб и вперед их не было, и бабам и детям закажи» [14, с. 52-53].

Только в развязке Иван, прощаясь с умирающим отцом в избе у старосты, осознает свою вину и будет просить прощения за «напавший грех»:

«– Иван, – сказал старик. – Моя смерть пришла, и ты помирать будешь. Чей грех? Иван уставился на отца и молчал, ничего не мог выговорить. – Перед Богом говори: чей грех? Что я тебе говорил? Тут только очнулся Иван и все понял. И засопел он носом и сказал: – Мой, батюшка! – И пал на колени перед отцом, заплакал и сказал: – Прости меня, батюшка, виноват я перед тобой и перед Богом» [Там же, с. 57].

Заметка от 11 марта 1879 года использована фрагментарно: «На дороге... Старичок 60 лет, ходил по богомолям, у Почаевской был. Иона в Киеве сказал: иди домой, пожар горит, а тушить некому. Он вернулся, а сыновья кабак сняли. Он пожил 2 недели. Сын поехал за вином. Говорит другому: ты мне кулешику на молоке дай, а сам поезжай встречать брата. Что-то мое сердце чует. Сын пошел запрягать. Еще не запряг, бежит сноха. “Батюшка помирает”. И помер» [16, с. 309].

В раннем этюде смерти старика Иван узнает о случившемся на пожаре несчастье с отцом тоже от своей снохи: «К утру подошла к нему сноха и сказала: дедушка помирает, велел тебя звать проститься» [18, оп. 2, л. 6 – 6 об.].

Круг тем, идей, образов и сюжетных частей разрастался в дневниковых заметках с 1881 по 1884 год. Необходимость непротivления злу, прощения обидчиков Толстой обсуждал с членами семьи и местными крестьянами. 7 апреля 1881 года: «Разговор с Сережей о непротivлении злу» [17, с. 25]. Между 1 и 2 июля 1881 года: «Никифор Грецовской с Фадеев<ым>. Разговор о том, что обидчиков простить надо» [Там же, с. 48].

Эпизод о том, как Иван выдрал у Гаврилы клоч борода, восходит к фактам из жизни яснополянских семей Жидковых и Резуновых, отраженных в дневнике Толстого. Запись от 18 апреля 1881 года – о ссоре А. Г. Жидкова с соседом – преломилась и в творческой истории рассказа «Девчонки умнее стариков»: «После обеда Онисим. В мешочке борода. Что делать? Простить? Как Вы скажете» [9, с. 121-122; 17, с. 26]. 21 мая / 2 июня 1884 года – о конфликте у Резуновых: «Резунова старуха приносила выдранную Тарасом косу в платочке» [17, с. 96]. Вероятно, в образе внука Ивана Тараски выведен Т. К. Фоканов, один из лучших учеников яснополянской школы 1860-х годов. Тогда же, в 1884 году, оформилась схема одной из частей кульминации сюжета:

«Мужик вышел вечером во двор и видит: вспыхнул огонек под застрехой. Он крикнул. Человек побежал прочь от застрехи. Мужик узнал своего соседа – врага и побежал за ним. Пока он бегал – крыша занялась, и двор и деревня сгорели» [Там же, с. 41].

В начале апреля 1885 года, до 11-го числа, Толстой мог работать над «Первым началом». 11 апреля, как сообщал он своему близкому приятелю Л. Д. Урусову, в Москву должен был приехать В. Г. Чертков [12, с. 234]. Ко времени этой встречи писателя со своим единомышленником и редактором «Посредника» рассказ уже был вчерне написан.

Автограф озаглавлен: «Что прежде – беде помочь или выместить?» [18, оп. 1, л. 1]. Рассказу предпослан эпиграф: «Видит мать, что злодей ее ребенка ножом поранил, что она будет делать прежде – перевязать раны ребенка или бить злодея?» [Там же].

В отличие от всех последующих черновых материалов, заглавие и эпиграф первого автографа развивают идеи возмездия за причиненное зло и спасения своего ближнего, а не всепрощения. Вероятно, это обстоятельство

дало основание В. И. Срезневскому в двадцать пятом томе Юбилейного издания исключить документ из «Описания рукописей» [10, с. 688].

«Первое начало», однако, связано с другими рукописями своим содержанием. Экспозиция от лица повествователя сообщает о конфликте двух крестьянских семей, между которыми «издавна» шла вражда [18, оп. 1, л. 1]. По раннему замыслу автора, «повздорили» еще отцы мужиков (главные герои не имеют на тот момент имен и фамилий). Позднее образ жизни отцов двух врагов Ивана Щербакова и Гаврилы Иванова будет истолкован как социальный идеал.

Целостно произведение сложилось к 11 апреля 1885 года во втором автографе. Здесь впервые Толстой дал имена и фамилии (возможно, отчества) соседям-соперникам – Ивану Фролкову и Гавриле Игнатову. Ранние разночтения к характеру Гаврилы: сначала Лукианов, затем – Гордеев.

Текст черновой рукописи не представляет собой раннюю редакцию. На данном этапе оформились все элементы сюжета, их композиция, образная система, пафос (реалистический, сатирический и идеалистический). Легко, без перерывов создавались событийная канва и нравоучительные части; идеологическое «задание» выполняли герои-резонеры (отец Ивана и старичок судья), образ повествователя в экспозиции и эпилоге. Изложение жизненного материала сразу было подчинено естественному, фабульному ходу событий; авторские мысли и чувства раскрывались в поучениях. Художественное единство и созвучие этих компонентов в дальнейшем не изменилось.

Так, экспозиция изображает «хорошую» жизнь Ивана Фролкова [Там же, оп. 2, л. 1]. Сначала говорится о трудолюбии семьи Ивана. Затем следует первое поучение. Этот фрагмент показывает образ жизни при стариках как социальный идеал: соседи поддерживают друг друга и уважают.

Завязывает действие зарождение вражды между семьями. Ссора двух крестьянских дворов случается по пустяшному предлогу, из-за куриного яйца. Ее венчает драка, Гавриле выдирают клоч бороды.

Развивают сюжет семь частей разных длиннот. С одной стороны, они рассказывают о судебных тяжбах и эскалации конфликта, с другой – закрепляют выражаемые автором идеи о человеколюбии, всепрощении, непротивлении злу насилием.

1. Первое разбирательство. Гаврило заворачивает бороду в «грамотку» и едет к начальству судиться [Там же, л. 2].

2. Второе поучение: отец Ивана призывает к миру.

3. Конфликт разрастается: в течение семи лет суды, драки, воровство, наговоры друг на друга.

4. Третье поучение: повторный «наказ» отца Ивана к миру.

5. Волостной суд присуждает высечь Гаврилу за то, что он ударил сноху Ивана.

6. Четвертое поучение: старичок судья хочет помирить врагов.

7. Беседа Ивана с отцом после суда: пятое поучение.

Кульминационный «нерв» сосредоточен на пожаре. Гаврило поджигает дом Ивана. Иван выслеживает и преследует его; пока соперники борются, пожар «сметает» половину деревни [Там же, л. 6].

В развязке наступает прозрение Ивана. Он прощается с умирающим отцом в избе у старосты. Гаврило приходит к старосте, чтобы «объявиться», признаться в поджоге [Там же, л. 6 об.]. Иван и Гаврило мирятся на глазах умирающего старика.

Эпилог показывает мирную, «соседскую» жизнь Ивана и Гаврилы [Там же, л. 7]. Шестое поучение развивает идею о непротивлении злу на примере образа жизни героев после их нравственного перерождения и постулирует представления писателя о социальном идеале.

На шестом листе Толстой поставил дату: 11 апреля 1885 года. Возможно, тогда же об этой рукописи он писал своему другу Л. Д. Урусову: «Нынче приезжает Чертков, и я испугался его как учителя, и нынче утром написал рассказ начерно. Может быть, выйдет порядочно» [12, с. 234].

Заглавие «Упустишь огонь – не потушишь» появилось в первой копии. Для него выбрана народная пословица со значением «упустить случай, время и дело», «пропускать», «опаздывать», «не сделать чего вовремя», «прозевать». Например, «Упустя время, да ногой в стремя»; «Упустя лето (пору), да в лес по малину»; «День упустишь, годом не наверстаешь» [4, с. 506]. Рукопись выполнена А. П. Ивановым, указавшим время и место своей работы: «17 апреля 1885 г<ода>. Москва. – Полночь» [18, оп. 3, л. 13 об.].

Переписчик корректировал карандашом некоторые слова и фразы, видимо, по поручению писателя, проводил стилистическую отделку. Так, в описании семьи Ивана вместо «рабочих рук» стало «рабочих ртов» [Там же, л. 1]. О больном старике добавилось: «сполз с печи» – вместо «слез с печи» [Там же, л. 3]. В предложении «Шла Иванова жена с водой» ранее не было словосочетания «с водой» [Там же, л. 2 об.] и т.п.

Толстой поправил рукопись по нескольким направлениям. Уточнил композицию одного из главных образов, Ивана. Широкие вставки раскрыли душевные сомнения и размышления этого героя в эпизоде его беседы с отцом после возвращения из волостного суда. Вдохновенно шло усовершенствование кульминационной части. В описании того, как Гаврило поджигает дом Ивана, как Иван преследует Гаврилу, детальным стало изображение острейшего эмоционального переживания Иваном случившегося пожара. В развязке была упрощена событийная канва: автор отказался от эпизода перемирия между Иваном и Гаврилой возле умирающего старика, сосредоточив все внимание читателя только на теме нравственного прозрения Ивана. Этот фрагмент текста: «В избе никого не было. Все были на пожаре ~ И взял старик опять свечку в обе руки, сложенных под сердцем, воздохнул, потянулся – и помер» [Там же, л. 12-13] А. П. Иванов переписал заново на отдельный лист.

Над второй копией трудился неизвестный переписчик. Позднее окончание рассказа – развязка и эпилог – было из нее извлечено и перенесено в следующую рукопись. Повествование прервалось на начале развязки: «К утру прислал за Иваном староста сына. – Дядя Иван, твой родитель помирает, велел тебя звать проститься» [Там же, оп. 5, л. 15 об.].

Теперь писатель приступил к отделке биографических и иных деталей. Изменил состав семьи Ивана (стало три сына) и ее характеристики. Рассказчик упоминает об умной и хозяйственной жене Ивана и смиренной, работающей снохе [Там же, л. 1]. Обстоятельства ссоры женщин из-за куриного яйца были обновлены таким образом, что высветились «дурные» стороны характера старшей по возрасту героини, «баушки» [Там же, л. 2-3].

С тем же творческим заданием корректировались две сцены беседы Ивана с отцом (после его ссоры с Гаврилой и по его возвращении из волостного суда), а также описание развития конфликта между семьями. Доработка эпизода волостного суда усиливала сатирический пафос. В художественную форму облеклась критика государственного суда и юридических наук как «апологии насилия», поставленная в трактате «Так что же нам делать?» [14, с. 266].

Впервые эпиграф из Евангелия от Матфея (притча о немилосердном должнике) был введен в произведение на этапе третьей копии, выполненной А. П. Ивановым и неустановленным писцом. На первом листе, ниже заглавия «Упустишь огонь – не потушишь», Толстой пометил: «Мф. XXIII, 21-35 (выписать)» [18, оп. 6, л. 1].

Пафос рассказа перекликается с основной мыслью евангельской притчи, поучающей о прощении своих обидчиков и человеколюбии. Апостол Петр просит разъяснить пределы всепрощения. В ответ Христос наставляет: «... надо прощать всегда, неограниченное число раз» [1, с. 404].

Писатель следует новозаветному наставлению и в других содержательных доминантах. На примере судеб Ивана и Гаврилы, членов их семей он осуждает безжалостность и жестокость, убеждает своего читателя в том, что за все прегрешения обязательно последует возмездие: «Наказание прощенного уже, но вновь согрешившего грешника... не только за новый грех, но и за все прежние, покрытые уже прощением... прощение грехов в этой жизни не дается безусловно и навсегда... всякое прощение дается под условием, чтобы прощенный более не грешил» [Там же, с. 407].

На данной стадии работы автор снова обратился к нравоучительной стороне рассказа. Множественные частные изменения кульминации сюжета (эпизод преследования Иваном Гаврилы) были нацелены на то, чтобы подчеркнуть, насколько опасно заблуждение Ивана, его непримиримость в соперничестве с соседом, нежелание смириться и покориться: «Ну, уж нет, не уйдет. [Сошлют] <...> [В острог и в Сибирь. Только тогда и жить можно]» [18, оп. 6, л. 12 об.]. Толстой умело применяет прием контраста, противопоставления, дорабатывая эту часть сюжета и его развязку. Когда наступило прозрение героя, опорные по смыслу глаголы-сказуемые новых фрагментов передали весь спектр чувств и действий осознавшего свой грех Ивана: «испугался» – «очнулся» – «все понял» – «пал на колени» и т.п. [Там же, л. 18]. Затем фамилия Ивана была изменена с Хралкова на Щербакова.

Вероятно, эта рукопись была отправлена В. Г. Черткову 2 мая 1885 года с сопроводительным письмом. Толстой сообщал, что посылает в редакцию «Посредника» «черновую» рассказа, к которому еще нет картинок. Здесь фигурировало другое, лаконичное, заглавие – «Поджигатель» [13, с. 172].

Одновременно писатель планировал отдать произведение в типографию И. Д. Сытина, о чем он извещал В. Г. Черткова тем же письмом [Там же]. Ко 2 мая была подготовлена и проработана автором пятая копия, по которой готовилась первая публикация.

Наборная рукопись занимает 22 листа, с обеих сторон заполнен 21 лист. На первом листе слева сделана типографская помета с датой: «№ 113. 10 мая 85» [18, оп. 8, л. 1]. Текст набирали три сотрудника книгоиздательства И. Д. Сытина. На обороте седьмого листа, слева на полях, возле фразы: «И стал старичок судья говорить» – карандашом вписана фамилия первого наборщика – Кассиров [Там же, л. 7 об.]. На одиннадцатом листе, тоже с левой стороны, рядом с предложением: «Молчит Иван – слушает» – читается фамилия другого типографского служащего – Бабаев [Там же, л. 11]. На обороте девятнадцатого листа, на левом поле, параллельно восклицанию Ивана: «Что же это? Что же это, братцы?» – указан третий наборщик – Осипов [Там же, л. 19].

На данном этапе Толстого увлек психологический «подтекст» отдельных сюжетных поворотов. В описании разговоров женщин в избе после возвращения Ивана из волостного суда было исключено участие этого героя в семейной беседе, что подчеркнуло его внутреннюю скованность и одиночество [Там же, л. 14]. В сценах встречи Иваном сыновей с пахоты и семейного ужина внутренний облик Ивана дополнили такие черты, как хозяйственность, деловитость и в то же время отстраненность от других. Нахмурившись, он правит хомут, как бы предчувствует нависшую угрозу, в то время как в его доме все «весело» и «хорошо». Молодайка сидит за пряжей, старуха собирает ужинать, старший сын вьет оборки на лапти, второй сын читает книжку, Тараска собирается в ночное [Там же, л. 14 об. – 15 об.].

Сначала Иван размышляет о Гавриле нейтрально: «...сунет огонь, да и не докажешь потом, я сгорю, а он прав останется» [Там же, л. 16]. Затем фразу эмоционально окрасили фразеологизм «да и был таков» и экспрессивное слово «злодей»: «...сунет огонь, да и был таков, сожжет злодей, да и прав останется» [Там же]. Пространную картину надвигающейся темноты на улице: «Прежде со света ничего не видать было, а постоял Иван на дворе, так пригляделся, и видно ему стало» – сменил краткий, скрытый лейтмотив преследования противника: «И пошел Иван тихой ступней вдоль ворот» [Там же]. Более напряженным, динамичным стало описание преследования Иваном Гаврилы и борьбы соперников [Там же, л. 16-18].

15 мая 1885 года Толстой сообщил В. Г. Черткову, что читал корректуру «Огонь тушить» [13, с. 202]. К 17 мая «Огонь не потушишь» с «поправками» автора получил И. Д. Сынтин [Там же, с. 204-205]. Корректура

не сохранилась. 30 мая было выдано цензурное разрешение; в конце первой декады июня (около 9 числа) рассказ вышел в свет [3, с. 609]. К его второму изданию (1886) нарисовал иллюстрации живописец бытового жанра К. А. Савицкий.

В первой половине марта 1886 года Толстой был занят корректурами двенадцатой части пятого издания «Сочинений». 12-20 (?) марта 1886 года подробности своей активной творческой деятельности он приоткрыл другу и единомышленнику, художнику Н. Н. Ге (отцу): «Я очень много работал. Все то, что должно войти в 12-й том, и потому не уезжал» [12, с. 335].

Интенсивная подготовка двенадцатой части велась с середины октября 1885 года и продвигалась с переменным успехом до середины марта 1886 года. 17 октября 1885 года С. А. Толстая писала мужу: «Сытин прислал мне нынче сказать, что цензура пропустила им “Двух стариков”. Теперь и я их смело напечатаю. Вот 12-й том и начат. Пусть “Иван Ильич” будет в конце» [11, с. 328].

Не ранее сентября-октября 1885 года писатель составил «Предисловие» к двенадцатой части, в котором пока предварительно очертил предполагаемую структуру тома. Тогда книга включала четыре народных рассказа; их заглавия не указаны [2, с. 753]. Затем перечень был значительно расширен. Вышедший том состоял уже из шестнадцати народных произведений, рассказов, текстов к лубочным картинам и легенд: «Чем люди живы», «Упустишь огонь – не потушишь», «Свечка», «Два старика», «Где любовь, там и Бог», «Вражье лепко, а Божье крепко», «Девчонки умнее стариков», «Два брата и золото», «Илья», «Сказка» («Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Меланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах»), «Три старца», «Как чертенок краюшку выкупал», «Кающийся грешник», «Зерно с куриное яйцо», «Много ли человеку земли нужно», «Крестник».

Тексты многих этих произведений в первых брошюрах «Посредника» и в двенадцатой части «Сочинений» (пятое издание) отличаются между собой различиями: итоговые изменения вносились на этапе корректурной вычитки последнего тома. В письме к Н. Н. Ге (отцу) от 12-20 (?) марта 1886 года именно эту правку Толстой характеризовал как «работу», которая охватила «все», «что должно войти в 12-й том» [12, с. 335].

В этой связи остановимся на корректировке автором психологических оттенков и переходов рассказа «Упустишь огонь...», связанных с изображением эмоционального состояния Ивана накануне и после его решающего столкновения с Гаврилой. Публикация «Посредника» «фиксирует» только событийную последовательность, здесь сначала нейтрально говорится о желании Ивана убить Гаврилу, а затем – о его возвращении в избу: «Убить его стоит. Остановился Иван, постоял, послушал, покуда Гаврила ругался, помотал головой и пошел в избу» [20, с. 24].

Двенадцатая часть экспрессивна и заявляет уже о накале «злых» чувств, которые испытывает Иван: «Убить его стоит. Так и всплыло у Ивана от этих слов все прежнее зло на соседа. Постоял он, послушал, покуда Гаврила ругался. Затих Гаврило, пошел и Иван в избу» [19, с. 41].

Интересны варианты описания пожара деревни. В издании И. Д. Сытина впечатление Ивана от пылающего зарева передано так: «Хотел Иван закричать, не вывел голоса. Хотел бежать – ноги не двигались – одна за другую цеплялась. Пошел шагом, зашатался, опять дух захватило» [20, с. 29].

В двенадцатой части Толстой повторяет одинаковые фразы, чтобы передать эмоциональное напряжение персонажа: «“Что же это? Братцы!” вскрикнул Иван... “Что же это? Братцы!” повторил он. Хотел закричать, дух захватило, – голоса не было. Хотел бежать – ноги не двигались – одна за другую цеплялась. Пошел шагом, зашатался, опять дух захватило» [19, с. 44].

Художественную форму произведения критически оценил Н. Н. Страхов. Он находил, что Толстой работал над ней «с меньшим старанием, а по местам и вовсе небрежно» [6, с. 690]. Композиция образа Ивана (в понимании критика «изображение души человеческой» на примере этого героя) была выдержана с «пропусками» и «большими пятнами» [Там же]. Н. Н. Страхов хотел увидеть детальное описание того, как помирились Иван и Гаврило, но Толстой-художник, следуя своей творческой задаче, воссоздал перерождение заблуждавшегося человека, осознание им своего греха, передал все многообразие переживаемых им чувств и мыслей. То, что казалось Н. Н. Страхову «любопытным» и «трогательным» [Там же], понималось автором как второстепенное, способное перегрузить основу повествования.

28 апреля 1885 года в письме к Толстому Н. Н. Страхов подробно изложил свою точку зрения: «Если главная сила должна содержаться в изображении души человеческой, то тут у Вас можно указать пропуски и большие пятна. Сказать, что один мужик поджег у другого дом, а тот простил ему и так его этим удивил, что они сразу стали друзьями, – такой рассказ не будет иметь никакой силы. Но если я рассказываю про Ивана, как про знакомого, и описываю все, что в нем делалось, то могу очень увлечь. В Вашем рассказе есть много бесподобного; но пробелы большие; напр<имер>, конец вовсе скомкан. Как они встречались, как затихала в том и другом злоба – это любопытно и трогательно, а этого нет» [Там же].

Кем-то из круга «Посредника», исходя из содержания письма Толстого к В. Г. Черткову от 2 мая 1885 года, с «черновой», полученной из Москвы, была снята четвертая копия. Из десяти ее листов девять исписаны с обеих сторон, на обороте девятого – всего четыре строки. Толстой с этой рукописью не работал, но в ней сделано несколько помет, касающихся того фрагмента в кульминационной части сюжета, когда Иван, увлекшись крестьянской работой, провожает накануне пожара внука Тараску в ночное. На листе шестом подчеркнута фраза: «выпустил Тараску с лошадьми на улицу ехать в ночное» [18, оп. 7, л. 6]. На обороте шестого листа фраза: «Тараска убирался в ночное» – тоже подчеркнута, и после нее поставлен знак вопроса. Слева на полях выведено: «По рассказу Тараска уехал в ночное раньше» [Там же, л. 6 об.].

В октябре 1885 года В. Г. Чертков занимался окончательной корректурой рассказов «Посредника» для повторных изданий по гальванопластическому снимку, который хотел снять с набора книжек И. Д. Сытин.

В письме от 12 октября В. Г. Чертков предложил Толстому «исправить» «одно место» в рассказе «Упустишь огонь...» и «пополнить» в соответствии со стандартом его заглавие [13, с. 268]. Показательно, что редакторское замечание В. Г. Черткова, а также подчеркивания и помета из четвертой копии имеют отношение к одному текстовому фрагменту.

«Пересматривая “Упустишь огонь”, – писал В. Г. Чертков Толстому, – я наткнулся на одно место не вполне ясное. <...> Если Иван выпустил Тараску с лошадьми на улицу ехать в ночное и запер ворота, то каким образом Тараска потом оказался еще в избе и убирался в ночное? Другие читатели также замечают здесь некоторую несообразность. Не описка ли с Вашей стороны? В таком случае, пожалуйста, поправьте при прилагаемом экземпляре и верните мне» [Там же].

К 15-16 октября в Ясной Поляне был уже составлен ответ и появилось удлиненное заглавие рассказа («Упустишь огонь – не потушишь, или О том, как мужик по злобе к соседу сам себя сжег и как он одумался»). «О Тараске нет описки, – сообщал Толстой В. Г. Черткову. – У нас выводят лошадей за ворота, привязывают на улице и тогда ужинают и убираются в ночное. Но это многие замечали. Я никак не умею вставить объяснение этого. Если Вы придумаете, вставьте. Но, впрочем, если крестьяне найдут нужным объяснение» [Там же, с. 267].

Итак, над рассказом «Упустишь огонь – не потушишь» Толстой работал в 1879 и в 1884 годах, в апреле-мае 1885 года и в первой половине марта 1886 года. Новая датировка произведения отличается от общепринятой (1884, 1885 годы). Впервые учтены все сохранившиеся к сегодняшнему дню рукописи, сличены тексты рассказа из ранних публикаций «Посредника» (1885-1886) и двенадцатой части «Сочинений» пятого издания (1886). Положительный результат показал фронтальный анализ дневников и записных книжек, эпистолярного наследия Толстого 1879-1886 годов.

Также впервые решение проблемы редакций рассказа предложено нами в литературоведческом ключе. Этапы воплощения замысла мы определяли без учета графических особенностей черновых рукописей: приоритет был отдан исследованию особенностей *становления содержания и формы произведения* – его поэтического строя, образной системы, элементов сюжета и композиции, идейно-тематического своеобразия.

Подготовительный период отражают дневник и записные книжки автора за 1879 и 1884 годы. В разрозненных эскизах и этюдах с сюжетным рисунком предварительно, но уже настойчиво заявляют о себе центральные темы, события и образы: темы о грехе и покаянии, событийная канва, связанная с пожаром, характеры Ивана и его отца.

Творческая концепция повествования о «поджигателе» оформилась не сразу. На раннем подступе (<Первое начало>) в заглавие была вынесена мысль о спасении своего ближнего и обязательном возмездии за причиненное зло («Что прежде – беде помочь или выместить?»). Затем содержательный центр сместился. Оригинальное звучание декларации двух тезисов философии Толстого о всепрощении и непротивлении придала народная пословица в измененном заглавии («Упустишь огонь – не потушишь»).

С апреля по май 1885 года сложилось художественное целое (даты в рукописях, письма Толстого к Л. Д. Урусову от 11 апреля, к В. Г. Черткову от 2 и 15 мая). Черновой автограф не являет собой некую абстрактную раннюю редакцию произведения. На той стадии уже развернулись основной конфликт, персонажи, их характеристики, определились форма изложения (от третьего лица) и пафос, место действия, был написан связный полный текст; при этом его вычитывание и стилистическая обработка не проводились, за исключением рекомендаций-помет А. П. Иванова в первой копии.

Дорабатывать рассказ писатель начал в автографе и продолжил в других рукописях. Условная схема этой ступени творческого процесса разнопланова. Уточнялись штрихи к биографии центральных и второстепенных героев, их портрет и внутренний облик, имена, фамилии или отчества. Реорганизовывались единичные сюжетные линии: так был исключен эпизод перемирия Ивана с Гаврилой возле умирающего отца в развязке. Углублялся психологический «подтекст» происходящего; прояснялись детали нравственно-философской патетики в поучительных частях. Значительно ширился сатирический пафос (критика государственного суда). Наконец, были выбраны заглавие и эпиграф.

В переписке Толстого с В. Г. Чертковым за май и октябрь 1885 года прослеживается динамика авторских вариантов названия произведения: «Поджигатель», «Огонь тушить», «Огонь не потушишь». В соответствии с канонами лубочной литературы была сформулирована версия с более развернутым «встроенным» поучением: «Упустишь огонь – не потушишь, или О том, как мужик по злобе к соседу сам себя сжег и как он одумался».

Итоговые поправки вносились в первой половине марта 1886 года (письмо Толстого от 12-20 (?) марта к Н. Н. Ге). Появившиеся текстовые новации, такие как исключение повторов, изменение форм слов и союзов, объединение двух предложений в одно, пропуски отдельных слов, выражений и предложений, замена знаков препинания, характеризуют стиливую и корректорскую манеру С. А. Толстой. Смысловая правка принадлежит автору; заключительным аккордом она украшает психологизм рассказа.

Текстологическое исследование выявило относительность укоренившейся точки зрения о безусловной духовной, идеологической и эстетической близости между Л. Н. Толстым и В. Г. Чертковым, Н. Н. Страховым – фигурами далеко не равнозначными по масштабу личности и природной одаренности. Н. Н. Страхов и В. Г. Чертков были лишены художественной чуткости, свойственной поэтическому гению Толстого, не могли в полной мере постичь творческие задачи, которые он ставил перед собой, и, пользуясь доверительным отношением к себе *мастера*, позволяли себе его критиковать.

Некорректны и субъективны их рассуждения о том, что рассказ не возымеет действия на читателя, так как Толстой не изобразил подробно всего, что происходило в жизни Ивана, «скомкал» концовку с перемирием

соперников (Н. Н. Страхов), или о «несообразности», оплошности автора, допущенной им в сцене отъезда Тараски в ночное (В. Г. Чертков).

Между тем Толстой в книгах для народа всегда стремился соблюсти принцип жизненного правдоподобия, который он называл «верным» «описанием» или «естественностью» [12, с. 325, 326]. Не менее важным элементом поэтики произведений для «большой серьезной публики» [Там же, с. 329] являлось кредо художника «не отвлекаться далеко от сюжета главного», что, по его мнению, свойственно людям, «не имеющим привычки писать» [Там же, с. 436]. Отсюда и вытекало нежелание писателя «загромождать» основную «мысль» «ненужными» событиями [Там же, с. 423].

Критика Н. Н. Страхова и В. Г. Черткова, безусловно, ранила Толстого. Запись в дневнике от 23 марта / 10 апреля 1884 года раскрывает истинное его отношение к происходящему: «Письмо после обеда от Черткова. Он *сердится* за разумение вместо Бога. И я с *досадой* подумал: коли бы он знал весь труд и напряжение, и отчаяние, и восторги, из *к<оторых>* вышло то, что есть» [17, с. 74-75].

Список источников

1. **Гладков Б. И.** Толкование Евангелия. Репринтное издание. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2002. 776 с.
2. **Гудзий Н. К.** «Так что же нам делать?»: комментарии // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общей редакцией В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1937. Т. 25. С. 740-839.
3. **Гусев Н. Н.** Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828-1890. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 837 с.
4. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Дрофа; Русский язык – Медиа, 2008. Т. 4. 683 с.
5. **Кушенко З. А.** «Упустишь огонь – не потушишь» // Л. Н. Толстой: энциклопедия / сост. и науч. ред. Н. И. Бурнашева. М.: Просвещение, 2009.
6. **Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов: полное собрание переписки:** в 2-х т. / сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова; ред. А. А. Донсков. Оттава: Оттавский университет, 2003. Т. 2. 1079 с.
7. **Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого** / сост. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровская; общ. ред. В. А. Жданова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 634 с.
8. **Опульская Л. Д.** Примечания // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20-ти т. / под ред. Н. Н. Акоповой, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева, М. Б. Храпченко. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. Т. 10. С. 543-567.
9. **Сизова И. И.** К истории текста рассказа Л. Н. Толстого «Девчонки умнее стариков» // Текст: структура, семантика, стилистика: сборник по итогам Международной конференции памяти доктора филологических наук, профессора Е. И. Дибровой. М.: Редакционно-издательский центр, 2015. С. 121-128.
10. **Срезневский В. И.** «Упустишь огонь – не потушишь». История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общей редакцией В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1937. Т. 25. С. 687-689.
11. **Толстая С. А.** Письма к Л. Н. Толстому. 1862-1910. М. – Л.: Academia, 1936. XXVII + 862 с.
12. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общей редакцией В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1934. Т. 63. 524 с.
13. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общей редакцией В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1935. Т. 85. 464 с.
14. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общей редакцией В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1937. Т. 25. 914 с.
15. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общей редакцией В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1938. Т. 83. 638 с.
16. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общей редакцией В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1952. Т. 48. 540 с.
17. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общей редакцией В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1952. Т. 49. 310 с.
18. **Толстой Л. Н.** Упустишь огонь – не потушишь // Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (ОР ГМТ). Ф. 1. Оп. 1-8.
19. **Толстой Л. Н.** Упустишь огонь – не потушишь // Сочинения графа Л. Н. Толстого: в 12-ти ч. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. Ч. 12. С. 31-47.
20. **Упустишь огонь – не потушишь.** М.: Типография И. Д. Сытина и К^о, 1885. 34 с.

L. N. TOLSTOY'S STORY "QUENCH THE SPARK": PROBLEMS OF CREATIVE HISTORY

Sizova Irina Igorevna, Ph. D. in Philology

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

u_sizova@bk.ru

The article for the first time examines the problems of creative history of L. N. Tolstoy's story "Quench the Spark" on the basis of all recently available manuscripts. The researcher clarifies the chronology of writer's work on the story (1879, 1884, 1885, 1886), reconstructs the consistent implementation of author's intention, without identifying early version in rough copies, analyzes the specificity of external influence on Tolstoy's text. "Recommendations" given to Tolstoy by literary critic N. N. Strakhov, editor of "Posrednik" ("Mediator") publishing house V. G. Chertkov on how "to improve" the content and form of the story distorted author's intention and internal logic of the original text.

Key words and phrases: Leo Tolstoy; story "Quench the Spark"; creative history; dating literary work; edition and (or) version; distortion of author's intention and will; editing and proofreading of text.